

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 346.9

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393

Шифр научной специальности 5.1.4

Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора

© САСЫКИН Константин Юрьевич,

юрист, Фармацевтическая компания «Пульс», Российская Федерация, 196158 г. Санкт-Петербург, Дунайский просп., 13, корп. 1, пом. 5-Н, ORCID: 0000-0002-8973-8567, k.sasykin@bk.ru

Аннотация

Рассмотрен достаточно острый на сегодняшний день вопрос организации эффективного управления предпринимательской деятельностью, находящейся в кризисной ситуации. В частности, вынесены некоторые проблемы, связанные с оценкой причин развития в России банкротной практики, особенно граждан, а именно обсуждена в качестве одной из основных проблематика утверждения судами арбитражных управляющих, контроля за их деятельностью, отстранения. Актуальность проблематики подчеркнута тем, что на сегодняшний день утверждаемые судами управляющие имеют существенный инструментальный для злоупотреблений (в том числе латентных), что, безусловно, требует более совершенного законодательного обеспечения исполнения требований незаинтересованности, добросовестности и разумности. На сегодняшний день законодатель и судебная практика высших судов предпринимают попытки усовершенствования процедур банкротства, в том числе происходит движение в направлении нивелирования возможностей влияния должника, связанных с ним кредиторов на банкротное производство. Вместе с тем институт утверждения арбитражного управляющего, контроля за его деятельностью и отстранения продолжает находиться на промежуточном этапе развития. Со ссылкой на международную практику высказана авторская позиция о необходимости внедрения в российское законодательство механизмов случайной автоматической выборки арбитражных управляющих для целей их утверждения в процедурах банкротств, а также возможность безусловного отстранения уже утвержденных управляющих по основаниям недоверия со стороны большинства кредиторов с установлением механизма справедливой компенсации. Предложено также усиление уголовной ответственности участников процедуры банкротства, в том числе введение специального состава об ответственности арбитражного управляющего.

Ключевые слова

банкротство, несостоятельность, арбитражный управляющий, производство, финансовый, конкурсный, утверждение, отстранение, недобросовестность, заинтересованность, недоверие, Италия, ФРГ, Польша, Украина

Благодарности

Выражаю особенную благодарность моему научному руководителю Владимиру Федоровичу Попондопуло, доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой коммерческого права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, за важнейшие замечания при проведении исследования, а также за значимые советы при подготовке и оформлении статьи.

Для цитирования

Сасыкин К.Ю. Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 381-393. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393

The problem of the interest of arbitration managers in bankruptcy cases. Lender's view

© **Konstantin Y. SASYKIN,**

Lawyer, Pharmaceutical Company "PULS", room 5-H, 1 bldg., 13 Dunaisky Ave., St. Petersburg 196158, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-8973-8567, k.sasykin@bk.ru

Abstract

We consider a rather acute issue of organizing effective management of business activities in a crisis situation. In particular, we bring out some problems related to the assessment of the reasons for the development of bankruptcy practices in Russia, especially for citizens, namely, the issue of approval by courts of arbitration managers, control over their activities, and removal is discussed as one of the main problems. The relevance of the issue is emphasized by the fact that today the managers approved by the courts have significant tools for abuse (including latent ones), which, of course, requires better legislative enforcement of the requirements of disinterest, conscientiousness and reasonableness. To date, the legislator and judicial practice of the highest courts are making attempts to improve bankruptcy procedures, including a movement towards leveling the influence of the debtor, related lenders on bankruptcy proceedings. At the same time, the institution of approval of the arbitration manager, control over his activities and removal continues to be at an intermediate stage of development. With reference to international practice, our position is expressed on the need to introduce into Russian legislation mechanisms for random automatic selection of arbitration managers for the purpose of their approval in bankruptcy proceedings, as well as the possibility of unconditional removal of already approved managers on the grounds of mistrust on the part of the majority of lenders with the establishment of a fair compensation mechanism. We also propose strengthening the criminal liability of participants in bankruptcy proceedings, including the introduction of a special composition on the liability of an arbitration manager.

Keywords

bankruptcy, insolvency, arbitration manager, production, financial, competitive, statement, suspension, dishonesty, interest, mistrust, Italy, Germany, Poland, Ukraine

Acknowledgements

I express my special gratitude to my supervisor Vladimir Fedorovich Popondopulo, Doctor of Law, Professor, Head of Commercial Law Department of the Faculty of Law of Saint-Petersburg State University, Honored Scientist of the Russian Federation, for the most important comments during the research, as well as for significant advice in the preparation and design of work.

For citation

Sasykin K.Y. Problematika zainteresovannosti arbitrazhnykh upravlyayushchikh v delakh o bankrotstve. Vzglyad kreditora [The problem of the interest of arbitration managers in bankruptcy cases. Lender's view]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 381-393. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Одной из главных задач развития национальной экономики является обеспечение свободы осуществления предпринимательской деятельности, исключение необос-

нованного вмешательства в жизнь хозяйствующих субъектов со стороны контрагентов или, тем более, государства.

С другой стороны, принимая во внимание, что лишь в прошлом, 2021 г., потери

кредиторов от действий лиц, признанных несостоятельными (банкротами), составили порядка 4 трлн руб. (по заявлению заместителя главы Федеральной налоговой службы Российской Федерации К.Н. Чекмышева в ходе заседания экспертного совета комитета Государственной Думы РФ по бюджету и налогам¹), то *достаточно остро* на сегодняшний день стоит вопрос организации эффективного управления предпринимательской деятельностью, своевременная оценка финансового состояния субъектов предпринимательства, предотвращение их несостоятельности (банкротства), а в случаях наступления несостоятельности – соблюдение порядка производств и исключение нарушений со стороны задействованных участников.

Тем более потенциальные угрозы наступления несостоятельности (банкротства) для субъектов предпринимательской деятельности несут уже и граждане, не являющиеся предпринимателями, особенно учитывая, что в российской практике с недавних пор и вовсе легально допускается осуществление предпринимательской деятельности в порядке специального режима налогообложения на профессиональный доход («самозанятые граждане»)².

Вместе с тем желаемое далеко от действительного – на сегодняшний день в России продолжается рост «банкротной» практики.

Практика несостоятельности (банкротства) в России развивается, особенно это касается граждан – количество таковых (включая индивидуальных предпринимателей), признанных несостоятельными (банкротами), лишь в 2021 г. составило 192 846, что на 62 % превышает показатель 2020 г., а всего за период существования процедуры потребительского банкротства, с 1 октября 2015 г. по 31 декабря 2021 г., несостоятельными стали уже 475 126 граждан. По юридическим лицам показатель роста не настолько значителен и колеблется из года в

год, однако статистика численности еще более не утешительна – ежегодно в России признаются несостоятельными (банкротами) от 9 до 13 тысяч юридических лиц.

Интересны также и статистические данные относительно длительности соответствующих процедур – если по должникам – юридическим лицам длительность процедур несостоятельности (банкротства) в среднем в 2021 г. составила 954 к.д., в 2020 г. – 842 к.д., в 2019 г. – 751 к.д., в 2018 г. – 681 к.д., то процедуры в отношении граждан за тот же период занимают значительно меньше – в среднем 260–280 к.д. Доля удовлетворенных в 2021 г. требований – 5,0 % от включенных требований, в 2020 г. показатель составлял 3,8 %³. При этом из них лишь только 1,7 % требований – доля незалоговых кредиторов, то есть, по сути, в процедурах несостоятельности (банкротства) должники списывают 98,3 % долга⁴.

Этим пользуются и должники – на сегодняшний день на российских просторах сети Интернет можно найти тысячи соблазнительных предложений «освободиться» от обязательств быстро и «под ключ», а стоимость таких услуг оценивается в суммы от нескольких десятков тысяч рублей, что не может не пользоваться спросом среди недобросовестных коммерсантов и др. В этой связи также не секрет, что в ряде случаев российская практика сталкивается со случаями осознанного разрешения имущественного или иного кризиса путем прибегания вышеназванных субъектов (юридических лиц, граждан, в т. ч. индивидуальных предпринимателей) к фиктивному или преднамеренному банкротству, а также к прибеганию различного рода неправомерных манипуляций в рамках обоснованно возбуждаемых процедур.

Справедливости ради стоит сказать, что законодатель и Верховный суд РФ систематически поднимают актуальность проблематики, предпринимая меры, направленные на устранение недостатков законодательства о

¹ Информация Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/c6d233c2-08dc-4512-b7fe-0ba0ab30d463>.

² О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31.12.2021. URL: <https://fedresurs.ru/news/29f08071-a8ef-4a16-bdc2-bb7559fd1cca>.

⁴ Информация Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/c6d233c2-08dc-4512-b7fe-0ba0ab30d463>.

банкротстве, в том числе путем разъяснения толкования спорных норм.

Положительный эффект сыграли, например, Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ⁵, которым Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве)⁶ дополнен целой главой (III.2) об ответственности руководителя должника и иных лиц (контролирующих должника), в том числе об убытках, причиненных арбитражным управляющим, а также последующие разъяснения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»⁷, благодаря которым фактически понижен стандарт доказывания в вопросах доказывания статуса контролирующего должника лица, а также разъяснены положения Закона о банкротстве о привлечении таких лиц к субсидиарной ответственности. Вероятно, именно вследствие этого произошел резкий рост положительной практики привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (соотношение удовлетворенных заявлений о привлечении к ответственности к всего поданным – 16 % в 2016 г., 22 % в 2017 г., 38 % в 2018 г., 41 % в 2019 г., 39 % в 2020 г., 46 % в 2021 г.)⁸.

Ожидаемым был и «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и

аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 29.01.2020)⁹, в котором определена позиция понижения (субординации) требований контролирующих должников лиц.

Однако, несмотря на это, как видно из указанной статистики, проблемы остаются и требуют своей дальнейшей проработки.

Результаты исследования

Утверждение арбитражного управляющего, имеющего частный интерес (заинтересованного) – первоочередная проблема банкротства

Данная проблема возникает уже на этапе инициирования процедуры несостоятельности (банкротства). На сегодняшний день Закон о банкротстве фактически в большинстве случаев предоставляет обращающемуся должнику или аффилированному с ним кредитору инструмент, позволяющий им не только необоснованно или несвоевременно заявить о банкротстве, но и в дальнейшем контролировать ход процедуры.

Должники фактически имеют возможность самостоятельно для целей дальнейшего утверждения в деле судом выбирать «своего» арбитражного управляющего, который, с одной стороны, наделяется законом достаточным объемом инструментариев, позволяющих эффективно вести процедуру, а с другой стороны, не меньшим объемом инструментов, позволяющих «утопить» процедуру в волоките и свести на «нет» все цели и задачи соответствующей процедуры банкротства, связанные с формированием конкурсной массы должника и ее распределением.

Указанное утверждение основано на том, что в специальных положениях о банкротстве граждан (пункт 4 статьи 213.4 Закона о банкротстве) в заявлении должника-гражданина о признании банкротом им указываются наименование и адрес саморегулируемой организации (далее также – СРО), из числа членов которой должен быть утвержден управляющий, а в силу пункта 1 статьи 45 этого же закона СРО сама представляет кандидатуру арбитражного управ-

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2017 № 53 (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31.12.2021. URL: <https://fedresurs.ru/news/29f08071-a8ef-4a16-bdc2-bb7559fd1cca>.

⁹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного суда РФ 29.01.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ляющего из числа своих членов, изъявивших согласие быть утвержденными арбитражным судом в деле о банкротстве.

Интересно также, что по общему правилу (применительно к процедурам в отношении юридических лиц) в пункте 2 статьи 37 Закона о банкротстве также оговорено право заявителя указать соответствующее СРО. Да, норма пункта 2 статьи 37 Закона о банкротстве, с одной стороны (в отличие от пункта 4 статьи 213.4 Закона о банкротстве), содержит оговорку, что СРО должна быть должником хотя бы определена в специальном порядке, установленном в соответствии с пунктом 5 данной статьи, то есть в некоем порядке, утвержденном Минэкономразвития России. Однако с даты принятия Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ, которым было введено данное правило, прошло более семи лет, а Минэкономразвития России порядок так и не утвердило. В этой связи в силу пункта 6 части 4 данного закона на сегодняшний день по общему правилу при поступлении заявления должника – юридического лица о его банкротстве определение СРО, из числа членов которой должен быть утвержден арбитражный управляющий, осуществляется судом (каким образом происходит выборка – не уточняется; о случайной выборке там не упоминается, то есть в общем-то закон и не исключает возможности выбора СРО, на котором настаивает заявитель).

Однако, если в случаях обращения должников по общему правилу закон хотя бы уже в некоторой степени озвучивает и учитывает риски предложения должником «своего» СРО, то в случаях обращения кредитора, работника, бывшего работника должника, уполномоченного органа указанные субъекты пока имеют право на выбор и предложение и вовсе конкретной кандидатуры управляющего (статьи 39, 41 Закона о банкротстве). Исключением из названного правила являются отдельные случаи подачи заявлений о признании банкротом финансовой организации (например, пункт 5 статьи 183.19 Закона о банкротстве).

Фактически на практику того, что обычно назначается управляющий, предложен-

ный первым заявителем (должником или кредитором), ссылаются и суды¹⁰.

При этом существующий процесс в некоторых случаях даже не обязывает должников уведомлять кредиторов о своем намерении обратиться в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве (например, при банкротстве граждан не предусмотрено подобной обязанности), что фактически обеспечивает должников возможностью в данных делах всегда быть первыми заявителями (при желании).

И, с одной стороны, если у арбитражного суда имеются разумные подозрения независимости предложенной заявителем или СРО кандидатуры управляющего, суд всегда имеет право затребовать кандидатуру другого управляющего (в том числе посредством случайного выбора), поскольку суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов как при возбуждении дела, так и впоследствии¹¹.

Однако в практической плоскости на стадии рассмотрения вопроса о признании должника банкротом в условиях загруженности судов разумные подозрения у суда могут возникнуть только в явных ситуациях аффилированности лиц или, к примеру, при поступлении соответствующих мотивированных возражений со стороны заинтересованных лиц (что в большинстве практических случаев невозможно, поскольку на момент утверждения управляющего большинство кредиторов еще не являются участниками дела о банкротстве и могут вовсе не знать о возбуждении процедуры).

О материально-правовом аспекте такового утверждения

Последствия утверждения судом заинтересованного арбитражного управляющего (пускай формально и не соответствующего признакам заинтересованности) прямо следуют из прав и обязанностей последнего.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.08.2021 № Ф01-2757/2021 по делу № А17-1470/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.08.2021 № Ф05-16704/2021 по делу № А40-131044/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного суда Российской Федерации от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

По общему правилу арбитражный управляющий в силу пункта 2 статьи 20.3 Закона о банкротстве, например, обязан принимать меры по защите имущества должника; анализировать финансовое состояние должника и результаты его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности. Специальные нормы заложены в статьях об административном, внешнем, конкурсном, финансовом управляющем (статьи 83, 99, 129, 213.9 Закона о банкротстве), где предусмотрены права заявлять возражения относительно требований кредиторов, заявлять отказы от сделок, подавать в арбитражный суд от имени должника заявления о признании недействительными сделок и решений, а также о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником, иски о взыскании убытков и пр.

Вместе с тем данные нормы, как и иные взаимосвязанные нормы Закона о банкротстве, определяющие порядок совершения перечисленных процессуальных действий, сформулированы с позиции дискреции арбитражного управляющего, то есть расчета на его добросовестность и разумность. В этой связи закон не устанавливает жестким образом ни предельные сроки исполнения соответствующих обязанностей, ни их объем, или же предполагает зависимость принимаемых мер от иных факторов, чем нередко пользуются недобросовестные заинтересованные арбитражные управляющие. На это же ссылаются и суды округов в своих позициях¹².

Особенно проблематичным является не только практика оспаривания сделок должников со стороны арбитражных управляющих, истребования имущества из незаконного владения, но и вообще выявление управляющими имущества должника, а также выявление контролирующих лиц и привлечение их к субсидиарной ответственности. За-

частую недобросовестные управляющие попросту пользуются своим положением и скрывают от кредиторов информацию об отдельных значимых фактах, о которых им стало известно (о необоснованности предъявляемых к должнику требований со стороны аффилированных третьих лиц, о выбытии имущества, обстоятельствах искажения первичной документации, фактах принятия необоснованных управленческих решений в предбанкротный период и пр.), демонстрируя затем исключительно формалистский подход к подаче заявлений об оспаривании сделок, привлечении контролирующих лиц к ответственности и пр., направленный на получение необходимых им отрицательных решений. Схожую проблематику приводит М.С. Кудинова, Д.Д. Тесис и пр. [1, с. 67; 2, с. 95].

Иногда подобное злоупотребление становится явным. Пример подобному прослеживается в определении¹³, в котором суд установил, что утвержденный в деле управляющий одновременно являлся не только управляющим в данном деле, но и управляющим ряда ответчиков по обособленным спорам, заявляя противоречащие интересам кредиторов позиции.

В этой связи не теряет актуальности вопрос – означает ли право обращения в суд с заявлением о признании недействительными сделок и связанная с ним обязанность принимать меры по защите имущества должника то, что необращение арбитражного управляющего в суд с соответствующим заявлением о признании сделки недействительной (при наличии оснований) или ходатайством о принятии мер обеспечения иска само по себе является нарушением? В какой вообще срок у арбитражного управляющего возникает обязанность обратиться с такими заявлениями, если законом предусмотрен однолетний и трехлетний срок исковой давности для признания недействительными оспоримых и ничтожных сделок, а срок вводимой процедуры не превышает шесть месяцев? Как соотносятся данные сроки с возможностью осуществления в этот период

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.02.2019 № Ф07-14458/2018 по делу № А56-63284/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.04.2021 № Ф07-1320/2021 по делу № А66-2956/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.05.2020 № Ф07-1204/2020 по делу № А21-8009/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.06.2022 года по делу № А56-32626/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

цепочки последующих сделок (с добросовестными приобретателями) в отношении вы бывшего имущества? Каково должно быть содержание запрашиваемых мер обеспечения иска? Обязан ли арбитражный управляющий применительно к ликвидному имуществу (к примеру, объектам недвижимости или транспортным средствам) заявлять о принятии мер обеспечения иска в виде ареста с правом ограничения пользования имуществом? Какова структура причинно-следственной связи между бездействием арбитражного управляющего (непроявление им должной процессуальной активности в процессе доказывания) и наступлением негативного последствия (отказ в признании сделки недействительной)?

Да, практикой в спорных вопросах должно учитываться, что порой даже самые искренние желания исполнить обязанности со стороны управляющих не реализуемы практически (например, когда первичные документы должников «внезапно» уничтожаются вследствие произошедшего накануне банкротства в месте их хранения затопления, пожара, или же «случайно» утрачиваются должником или передаются третьему лицу («номинальному» руководителю), место нахождения которого установить и доставить в суд фактически невозможно). Так, судья Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области своим определением¹⁴, отказав в истребовании у бывшего руководителя организации документов, указал, что основным требованием, предъявляемым к судебному акту, является его исполнимость, а отсутствие у лица истребуемых документов делает заведомо неисполнимым судебный акт об истребовании документов и доказательств.

Однако, очевидно, что во всех указанных вопросах законодатель и правоприменители в вопросах обжалования действий управляющих обязаны исходить из повышенного стандарта требований к толкованию добросовестности и разумности последних. Утвержденный судом арбитражный управляющий, учитывая природу несо-

стоятельности (банкротства) и высокую вероятность конфликта интересов, обязан занимать исключительно активную позицию в отношении должника и его имущества, исключая любые сомнения в его беспристрастности.

Административный и уголовно-правовой аспект

Представляется, недобросовестный должник должен осознавать не только неминуемые последствия в виде, например, установления скрытого имущества, признания недействительными совершенных им порочных сделок, возложения гражданской ответственности, но и понимать неотвратимость наказания за любые деяния, подпадающие под определение административных правонарушений или уголовно-наказуемых преступлений.

Вместе с тем подобная практика на сегодняшний день необоснованно мала. Фактически, большинство неправомерных действий при банкротстве (или до банкротства) имеют скрытый (латентный) характер и обычно квалифицируются как правовые последствия неудачного бизнеса ввиду отсутствия надлежащего превентивного механизма административно-правовой и уголовно-правовой защиты.

Основным рычагом, позволяющим собственникам бизнеса сохранить и вывести «из-под удара» существенные активы своего предприятия, так или иначе, является создание фиктивной задолженности перед дружественным ему лицом. Создание такой задолженности может происходить в различных условиях, что влияет на административно-правовую или уголовно-правовую квалификацию, вызывая в этой части сложности у правоприменителя, о чем также пишет Ю.В. Морозова [3, с. 26; 4, с. 27]. Схожей позиции придерживаются и О.Н. Козодаева с А.С. Петровой [5, с. 253].

Если применение статьи 196 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) («преднамеренное банкротство»)¹⁵ еще относительно встречается в российской практике, то анализ существующей судебной практики по

¹⁴ Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.11.2020 в деле № А56-52531/2019/истр.1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

статье 195 УК РФ («неправомерные действия при банкротстве»), 197 УК РФ («фиктивное банкротство») позволяет сделать вывод, что случаи привлечения к ответственности по данным преступлениям (как указано выше, небольшой тяжести) носят фактически единичный характер и имеют в своем составе значительное количество оправдательных приговоров ввиду недоказанности ущерба или истечения сроков давности, применяясь судами в основном в качестве дополняющей квалификации по совокупности с другими смежными статьями как статьи 159, 303 УК РФ¹⁶.

Аналогичная ситуация наблюдается и с применением статей 14.13 и 14.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹⁷.

Утверждение в целом также подтверждает и И.В. Азаренкова, которая пишет, что количество выявленных преступлений по статьям 195–197 УК РФ составило в 2019 г. всего 240 [6, с. 170]. Д.И. Петров, в свою очередь, дополняет, что, по данным ГИАЦ МВД, за 2019 г. в Российской Федерации выявлено, в общей сложности, на территории РФ, 128 преступлений, предусмотренных статьями 195 УК РФ, однако предварительно расследовано из вышеуказанных 94 преступления, из них направлены в суд всего 23, отмечая в целом, что спектр неправомерных действий, совершение которых возможно в контексте процедуры банкротства, тревожно широк, и в сравнении со статистикой рассматриваемых арбитражными судами заявлений о признании сделок недействительными в рамках дела о банкротстве, вызывает обоснованные вопросы незначитель-

ностью зафиксированных фактов правонарушений [7, с. 117].

Законодатель, к сожалению, немного внимания уделяет указанной проблеме. На сегодняшний день нет даже разъяснений Верховного суда РФ по вопросам разграничения составов статей 195–197 УК РФ, являющихся смежными между собой и отличающимися лишь целью и обстановкой совершения. Противоположные мнения и внутренние рекомендации следственных органов, высказываемые по поводу квалификации преступлений, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ, нередко дезориентируют следственные органы [4, с. 24] и играют на руку недобросовестным нарушителям.

Более того, законодатель фактически сбросил вопрос административно-правовой и уголовно-правовой квалификации действий должника на плечи арбитражных управляющих, что еще больше усугубляет положение практики.

В силу названного пункта 2 статьи 20.3 и статей 83, 99, 129, 213.9 Закона о банкротстве именно арбитражный управляющий обязан проверять наличие признаков указанных (и иных) административных правонарушений и преступлений, а в случае выявления – сообщать о них в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Следует констатировать, что реальность и эффективность данных мероприятий полностью зависит от воли арбитражного управляющего, о чем пишет и И.В. Арзякова [8, с. 246]. Процедура проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства отдельно регламентирована Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855¹⁸, имеющим массу оснований для арбитражных управляющих для обоснования своего якобы вынужденного уклонения от подготовки заключения о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, и соответственно уве-

¹⁶ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2022 № 77-1409/2022; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2022 № 77-165/2022; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 13.11.2013 № 22-3934/2013, Приговор Успенского районного суда Краснодарского края от 05.02.2014 по делу № 1-23/2014; Приговор Ново-Савиновского районного суда города Казани от 07.12.2020 по делу № 1-22/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

домления правоохранительных органов о признаках совершения должником правонарушений или преступлений (например, вследствие непредоставления должником одного из перечисленных документов).

Принципиально, что составы статей 195–197 УК РФ относятся к различным категориям преступлений – небольшой (статьи 195, 197 УК РФ) и средней тяжести (статья 196 УК РФ) в силу различных санкций за совершение, в связи с чем к ним соответственно применим различный срок давности привлечения к уголовной ответственности (два года и шесть лет), что объективно создает у недобросовестных должников интерес в том, чтобы неправомерные действия не только не выявлялись арбитражными управляющими, но и наиболее длительное время. Стоит ли говорить о том, может ли способствовать в реализации такого интереса заинтересованный управляющий?

Притом, что ранее дореволюционное российское законодательство очень жестко наказывало за банкротство. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало, например, нормы не только об уголовной ответственности за уличение в злонамеренном банкротстве (статья 1582), но и за простое банкротство (неосторожная несостоятельность) также (статья 1584)¹⁹.

В этом смысле вообще вызывает вопросы, по каким причинам не криминальные правонарушения в сфере банкротства (статьи 14.13 и 14.14 КоАП РФ) имеют более длительный срок давности привлечения к ответственности (три года – в силу пункта 1 статьи 4.5 КоАП РФ), чем аналогичные им вышеназванные криминальные составы из УК РФ.

О необходимости реформирования

Представляется, что в силу обозначенной проблематики необходимо доработать положения как о порядке утверждения арбитражного управляющего, так и об отстранении арбитражного управляющего, исключая или хотя бы снижая риски назначения арбитражного управляющего, фактиче-

¹⁹ О наказаниях уголовных и исправительных: уложение Российской империи, утвержденное императором Николаем I от 15.08.1845. URL: <https://rusneb.ru>.

ски предложенного первым заявителем, особенно должником.

Так, что касается утверждения арбитражного управляющего, интересно, что, например, Закон Республики Беларусь № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 13 июля 2012 г.²⁰ в статье 64 предусматривает, что лицо, подавшее в хозяйственный суд заявление об экономической несостоятельности (банкротстве) должника, обязано представить в хозяйственный суд *не менее трех* кандидатур управляющего. При этом статья 62 названного закона предъявляет значительно более жесткие требования к лицам, имеющим право на осуществление деятельности управляющего, предусматривая систему аттестации и перееаттестации, аккредитации.

Более полезен в этом контексте Кодекс Украины о процедурах банкротства от 18 октября 2018 г. № 2597-VIII²¹, в статье 28 которого определено, что кандидатура арбитражного управляющего для выполнения полномочий распорядителя имущества или управляющего реструктуризацией определяется судом путем *автоматизированного отбора* с применением единой судебной информационно-телекоммуникационной системы из числа арбитражных управляющих, внесенных в Единый реестр арбитражных управляющих Украины, по принципу случайного выбора.

В другой постсоциалистической юрисдикции – в Польше – Законом о банкротстве от 28 февраля 2003 г.²² утверждение конкурсного управляющего также осуществляется на усмотрение суда. По смыслу статей 23, 24, 157.1 закона должник и кредиторы не наделены правом представления кандидатур управляющих, суд назначает конкурсного управляющего самостоятельно с учетом количества дел, опыта и квалификации.

²⁰ Об экономической несостоятельности (банкротстве): закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). URL: <https://pravo.by>.

²¹ Кодекс Украины «О процедурах банкротства»: закон от 18.10.2018 № 2597-VIII (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022.). URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.

²² О банкротстве: закон Республики Польша от 28.02.2003 (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). URL: <https://isap.sejm.gov.pl>.

Аналогично суд самостоятельно утверждает управляющего и в Италии, что следует из положений статей 16, 29 действующей до настоящего времени «Дисциплины банкротства, договоренности с кредиторами, контролируемом администрировании и принудительной административной ликвидации» (принята Королевским Указом от 16 марта 1942 г. № 267)²³.

С учетом названной зарубежной практики, представляется, что в России необходимо во всех процедурах несостоятельности внедрять исключительно автоматизированный отбор кандидатуры управляющего. Должны исключаться любые нормы (перечислены выше), по смыслу которых позволено должнику, кредитору или иным лицам предлагать кандидатуры СРО или конкретного управляющего. Однако, как справедливо отмечает Д.Д. Тесис, важна не столько автоматизация, сколько включение в процесс современных цифровых решений, позволяющих суду учитывать в том числе текущую загрузку арбитражного управляющего и количество сопровождаемых им процедур; наличие соответствующей компетенции и опыта у арбитражного управляющего для реализации конкретной процедуры [2, с. 95].

Что касается отстранения, то законодательство должно и в этом вопросе занимать т. н. «прокредиторскую» модель – кредиторы должны иметь право выразить недоверие управляющему, что в полной мере соответствовало бы наличию на их стороне повышенного риска от безуспешной деятельности последнего, а значит, сохраняло бы status quo.

К сожалению, на сегодняшний день статья 145 Закона о банкротстве о конкурсном управляющем, как и аналогичные нормы об административном, внешнем, финансовом управляющем (статьи 83, 99, 213.9 Закона о банкротстве), содержит несколько оснований для отстранения по схожему основанию.

Например, близким к недоверию основанием для отстранения судом управляющего по инициативе собрания кредиторов является

неисполнение или ненадлежащее исполнение им возложенных на него обязанностей.

И вроде бы Верховным судом РФ высказывалась позиция о том, что при наличии волеизъявления большинства кредиторов законом предусмотрен упрощенный порядок лишения конкурсного управляющего полномочий (подтвержденное протоколом собрания кредиторов неисполнение конкурсным управляющим своих обязанностей само по себе является достаточным основанием для рассмотрения арбитражным судом данного вопроса)²⁴.

Однако обращение собрания кредиторов в суд не является в силу данной нормы безусловным основанием для отстранения конкурсного управляющего по данному основанию. Как разъясняется в пункте 56 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», недопустимо фактическое установление таким образом запрета на профессию, суды должны учитывать, что основанием для подобного отстранения не могут служить нарушения, допущенные управляющим по неосторожности, незначительные нарушения, нарушения, не причинившие значительного ущерба, а также нарушения, имевшие место значительное время (несколько лет и более) назад.

Другим схожим основанием для отстранения управляющих в делах о банкротстве (следует из вышеперечисленных статей) является выявление обстоятельств, препятствовавших утверждению лица соответствующим управляющим, а также в случае, если такие обстоятельства возникли после утверждения лица конкурсным управляющим. Однако и в таком случае суд не может действовать произвольно, а надлежит обосновать наличие соответствующих препятствий. Например, обосновать конфликт интересов, ставящих под сомнение законность и обоснованность действий арбитражного управляющего, что не всегда возможно документально.

С таким ограниченным подходом законодателя и Верховного суда РФ сложно со-

²³ Дисциплина банкротства, договоренности с кредиторами, контролируемое администрирование и принудительная административная ликвидация: Королевский Указ от 16.03.1942 № 267 (с изм. и доп. по состоянию на 19.07.2022). URL: <https://www.normattiva.it>.

²⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 22.03.2018 по делу № 309-ЭС15-834(3), А60-12747/2004. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

гласиться. Во-первых, отстранение лица от должности управляющего конкретным должником никоим образом не является установлением запрета на профессию, поскольку не предполагает дисквалификации управляющего. Во-вторых, закон может предусматривать (в случае внедрения основания по недоверию) обязанность кредиторов компенсировать утраченный заработок, определив его уровень в твердой сумме. В-третьих, право заявить об отстранении одного лица от должности управляющего не порождает у кредиторов права на выбор своего «прокредиторского» заинтересованного управляющего (как выше указано, он должен утверждаться на основе автоматизированного отбора). Представляется, что в такой ситуации status quo соблюдается.

Соответственно, в такой модели вопрос о нарушениях, их существенности, значительности ущерба правового значения, доказательствах заинтересованности иметь не должен, поскольку она направлена на ускоренную замену управленца. Суд в таком случае должен играть активную роль лишь в вопросе выяснения мотивов возникновения спора и медиации в возникших разногласиях.

В этом смысле внимания заслуживает Кодекс ФРГ о несостоятельности от 5 октября 1994 г.²⁵, в статье 59 которого предусмотрено право заявления комитета кредиторов, собрания об увольнении управляющего. Закон содержит лишь ссылку на уважительные причины. Вышеуказанный Кодекс Украины о процедурах банкротства от 18 октября 2018 г. пошел дальше и предусматривает в той же статье 28 (упоминалась выше), что комитет кредиторов вправе в любое время обратиться в хозяйственный суд с ходатайством об отстранении арбитражного управляющего от исполнения полномочий независимо от наличия оснований. Вышеуказанным Законом Польши о банкротстве от 28 февраля 2003 г. в силу статьи 170 и статьи 207а предусмотрено, что суд меняет конкурсного управляющего по результатам решения совета кредиторов, проголосованного единогласно, за исключением случаев, когда это противозаконно, грубо

ущемляет интересы кредиторов, или есть предположения, что новое указанное советом кредиторов лицо не будет должным образом выполнять обязанностей. Схожая норма содержится и в статье 37 итальянского (вышеуказанного) положения.

Мнения о необходимости реформирования придерживаются и другие авторы [9, с. 118; 10, с. 147; 11, с. 50; 12, с. 94].

Обоснованным и назревшим решением также представляется усиление внимание государства к указанным «банкротным» правонарушениям, а прежде всего – преступлениям, предусмотренным статьями 195–197 УК РФ. Обоснованно повышение уровня ответственности за их совершение, а соответственно и с автоматическим увеличением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, что должно обеспечить увеличение их раскрываемости и практики привлечения к ответственности. Требуется также и разъяснение квалификации указанных составов.

Помимо усиления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 195–197 УК РФ, обоснованно введение специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность для арбитражных управляющих и иных задействованных лиц.

Например, в этой части полезно вышеуказанное законодательство Италии (статья 228 Дисциплины банкротства, договоренности с кредиторами, контролируемом администрировании и принудительной административной ликвидации) предусматривает, что если иное не следует из статей Уголовного кодекса Италии (статьи 315, 317, 318, 319, 321, 322 и 323), управляющий, проявляющий частную заинтересованность в каком-либо акте банкротства непосредственно или через посредника либо путем имитации действий, наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет и штрафом. Важно, что данное положение также применяется к лицам, которые помогают управляющему в управлении банкротством.

Обоснованно введение в России специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность для недобросовестных кредиторов. Стоит и в этой части также привести в качестве аргумента ссылку на

²⁵ Кодекс ФРГ «О несостоятельности»: закон от 05.10.1994. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de>.

статью 233 названного итальянского законодательства, которая, помимо прочего, вводит ответственность и для кредиторов, которые оговаривают с банкротом или с другими лицами в интересах банкрота преимущества в свою пользу, чтобы отдать свой голос в соглашении или в решениях комитета кредиторов.

Заключение

Таким образом, действующее законодательство в сфере банкротства в части назначения, контроля и отстранения арбитражного управляющего нуждается в реформировании, поскольку именно эти недостатки и обуславливают часто низкую эффективность дел о банкротстве.

1. Первоочередным шагом представляется изменение порядка утверждения управляющего – утверждение должно осуществляться исключительно на основе случайной выборки судом кандидатов посредством современного автоматизированного алгоритма.

2. Процедура отстранения при этом также не должна быть излишне затрудненной, препятствующей оперативности разрешения первостепенных вопросов дела о банкротстве. Кредиторы должны иметь право самостоятельно реализовывать свой интерес в замене управляющего на нового, в том числе посредством предложенного автоматизированного алгоритма. Законодательно могут предусматриваться материально-компенсационные механизмы защиты для отстраняемых управляющих, в том числе за счет выражающих недоверие кредиторов.

3. Обоснованно усиление уголовной ответственности за совершение правонарушений и преступлений в сфере банкротства, в том числе статьями 195–197 УК РФ), а также внедрение дополнительных составов, предусматривающих уголовную ответственность за недобросовестные действия арбитражных управляющих и иных задействованных лиц.

Список источников

1. Кудинова М.С. Актуальные аспекты процедуры банкротства граждан // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 1. С. 66-78.
2. Тесис Д.Д. Механизмы обеспечения независимости арбитражного управляющего // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 90-96.
3. Морозова Ю.В. К вопросу о соотношении составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197 уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалистика. 2014. № 2 (15). С. 26-28.
4. Морозова Ю.В. Проблемные вопросы квалификации неправомερных банкротств // Криминалистика. 2019. № 4 (29). С. 23-27.
5. Козодаева О.Н., Петрова А.С. Современные проблемы института банкротства: уголовно-правовые аспекты // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 250-253.
6. Азренкова И.В. Исследование преступлений в сфере незаконных банкротств на основе данных региональной статистики // Вопросы региональной экономики. 2021. № 1 (46). С. 169-178.
7. Петров Д.И. Уголовная ответственность за неправомερные действия при банкротстве. Состав ст. 195 УК РФ в применении к созданию фиктивной («дружественной») кредиторской задолженности // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 117-120. DOI 10.47643/1815-1329_2020_11_117
8. Арзякова И.В. Проблема эффективности деятельности арбитражного управляющего при выявлении признаков преднамеренного банкротства // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 245-248.
9. Кузнецов А.П., Хохлов В.Н. Правовые механизмы отстранения арбитражного управляющего от ведения процедуры банкротства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 4. С. 114-122.
10. Махнева Л.А. Отстранение арбитражного управляющего от исполнения обязанностей в деле о несостоятельности банкротстве как способ защиты прав лиц, участвующих в деле // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 145-148.
11. Никитин Е.О., Лютикова Е.С. Независимость арбитражных управляющих при проведении процедур несостоятельности (банкротства) // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 4 (23). С. 45-50.
12. Прохоров А.В. К вопросу о заинтересованности финансового управляющего при его утверждении в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 93-95.

References

1. Kudinova M.S. Aktual'nyye aspekty protsedury bankrotstva grazhdan [Topical aspects of the individual bankruptcy procedure]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 66-78. (In Russian).
2. Tesis D.D. Mekhanizmy obespecheniya nezavisimosti arbitrazhnogo upravlyayushchego [Mechanisms for ensuring the independence of an arbitrator]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki – Bulletin of Arbitration Practice*, 2021, no. 6, pp. 90-96. (In Russian).
3. Morozova Y.V. K voprosu o sootnoshenii sostavov prestupleniy, predusmotrennykh st.st. 195–197 ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On the issue of correlation between formal elements of crimes specified in articles 195–197 of Criminal Code of the Russian Federation]. *Kriminalist* [Criminalist], 2014, no. 2 (15), pp. 26-28. (In Russian).
4. Morozova Y.V. Problemnyye voprosy kvalifikatsii nepravomernykh bankrotstv [Problematic issues of qualification of unlawful bankruptcies]. *Kriminalist* [Criminalist], 2019, no. 4 (29), pp. 23-27. (In Russian).
5. Kozodayeva O.N., Petrova A.S. Sovremennyye problemy instituta bankrotstva: ugolovno-pravovyye aspekty [Modern problems of the institution of bankruptcy: criminal law aspects]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskiy pravovyye chteniya imeni F.N. Plevako»* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2021, pp. 250-253. (In Russian).
6. Azarenkova I.V. Issledovaniye prestupleniy v sfere nezakonnykh bankrotstv na osnove dannykh regional'noy statistiki [Investigation of crimes in the field of illegal bankruptcies based on regional statistics]. *Voprosy regional'noy ekonomiki – Problems of Regional Economy*, 2021, no. 1 (46), pp. 169-178. (In Russian).
7. Petrov D.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyye deystviya pri bankrotstve. Sostav st. 195 UK RF v primenenii k sozdaniyu fiktivnoy («druzhestvennoy») kreditorskoy zadolzhennosti [Criminal liability for illegal actions in bankruptcy. the composition of article 195 of Criminal Code of the Russian Federation as applied to the creation of fictitious (“friendly”) accounts payable]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo – Agrarian and Land Law*, 2020, no. 11 (191), pp. 117-120. DOI [10.47643/1815-1329_2020_11_117](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_11_117). (In Russian).
8. Arzyakova I.V. Problema effektivnosti deyatelnosti arbitrazhnogo upravlyayushchego pri vyyavlenii priznakov prednamerenogo bankrotstva [The problem of arbitral administrator activities efficiency with detecting premeditated bankruptcy signs]. *Biznes v zakone – Business in Law*, 2011, no. 6, pp. 245-248. (In Russian).
9. Kuznetsov A.P., Khokhlov V.N. Pravovyye mekhanizmy odstraneniya arbitrazhnogo upravlyayushchego ot vedeniya protsedury bankrotstva [Legal mechanisms of removal of the liquidator from the bankruptcy procedure]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskkiye i pravovyye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2015, vol. 1, no. 4, pp. 114-122. (In Russian).
10. Makhneva L.A. Otstraneniye arbitrazhnogo upravlyayushchego ot ispolneniya obyazannostey v dele o nesostoyatel'nosti bankrotstva kak sposob zashchity prav lits, uchastvuyushchikh v dele [Removal of an arbitration manager from the performance of duties in an insolvency bankruptcy case as a way to protect the rights of persons participating in the case]. *Biznes, menedzhment i pravo – Business, Management and Law*, 2012, no. 2 (26), pp. 145-148. (In Russian).
11. Nikitin E.O., Lyutikova E.S. Nezavisimost' arbitrazhnykh upravlyayushchikh pri provedenii protsedur nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Independence of arbitration managers during insolvency (bankruptcy) procedures]. *Ekonomicheskoye pravosudiye na Dal'nem Vostoke Rossii – Economic Justice in the Russian Far East*, 2021, no. 4 (23), pp. 45-50. (In Russian).
12. Prokhorov A.V. K voprosu o zainteresovannosti finansovogo upravlyayushchego pri ego utverzhdenii v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan [On the issue of the financial officer (receiver)'s being an interested party in the process of his/her approval in cases of personal bankruptcy]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*, 2021, no. 4 (50), pp. 93-95. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 23.09.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная